

Ноября 22 (5 декабря)

Священномученик
Алексий Бенеманский

Священномученик Алексей родился 6 января 1881 года в селе Баранья Гора Новоторжского уезда Тверской губернии в семье священника Константина Бенеманского. По окончании Духовной семинарии стал работать учителем начальной школы в Торжке. В 1904 году он был рукоположен в сан священника и служил в Тверском Христорождественском женском монастыре. В 1918 году все церковно-приходские школы были закрыты, но о. Алексей, несмотря на запрет властей, стал преподавать Закон Божий в монастыре по понедельникам и средам. После того как монастырь был закрыт, он перешел служить в храм иконы Скорбящей Божией Матери. В июне 1919 года о. Алексей был избран членом епархиального совета.

Во время гражданской войны в 1920 году он был арестован и мобилизован советской властью на тыловые работы. Весной 1922 года началось изъятие церковных ценностей в помощь голодающим. Епископ Старицкий Петр (Зверев), викарий Тверской епархии, обратился к своей пастве с воззванием о пожертвованиях.

Летом 1922 года при поддержке советской власти был организован обновленческий раскол, ставший во враждебные отношения к Русской Православной Церкви и призванный ее разрушить. Правящий архиерей Тверской епархии архиепископ Серафим (Александров) был арестован, и епископу Петру пришлось встать во главе епархии. Все православное духовенство тогда потянулось к нему. Священник Алексей Бенеманский стал одним из ближайших помощников епископа. В это время некоторые священники, не разобравшись в лживости и разрушительности обновленчества, отошли к раскольникам, и о. Алексей по благословию епископа Петра неустанно убеждал таковых вернуться в Православную Церковь. Иногда его искреннее и глубокое слово действовало на заблуждающихся, и они приносили покаяние. В сентябре 1922 года епископ обратился к пастве с воззванием, разъяснявшим, что обновленчество «по происхождению своему – явление раскольническое, а по существу своему – сектантское. ВЦУ – самозванное учреждение и не может иметь нравственной силы над теми, кто не с ними... С ними нам, как с еретиками, не подобает входить ни в какое общение. Лучше пострадать, чем покривить душой».

Властям становилось все очевидней, что без активного вмешательства государства в церковную жизнь, без ареста православного архиерея и верных ему священников обновленчество в Тверской епархии обречено. Осенью 1922 года ГПУ приняло решение арестовать епископа Петра и ближайших его помощников.

15 сентября в ГПУ был вызван для допроса священник Алексей Бенеманский.

– Ваше отношение к советской власти? – спросил следователь.

– Вполне признаю и подчиняюсь и исполняю все ее постановления и распоряжения, – ответил священник.

– Каковы ваши взгляды на обновленческое движение, и в частности на ВЦУ?

– Вообще обновленческое движение считаю в церковной жизни необходимым, – ответил священник, предполагая, вероятно, что следовательно удовлетворится столь лаконичным ответом, но этого не произошло.

– Каким путем вы предполагаете провести обновленческое движение? – спросил он.

– Созывом Собора, а до созыва такового, я ВЦУ не признаю и считаю такое самозванным.

Священник Алексей Бенеманский. Тверская тюрьма. 1922 год

Следовательно этот ответ отметил особо – для выяснения отношения о. Алексея к ВЦУ он и вызвал его. Этим ответом священник почти обрек себя на арест и ссылку. Следовательно оставалось лишь подтвердить незначительные детали, чтобы оформить следственный материал.

– Имеется ли у вас воззвание епископа Петра? – спросил он.

– У меня такового нет, но я его знаю, так как мне его дал епископ Петр, чтобы отнести в цензуру.

– Известно ли вам, кто, кроме Петра, распространяет воззвание?

– Не знаю.

– Известно ли вам, зачитывалось ли где и кем воззвание?

– Читалось епископом Петром в Никольской что на Плацу церкви и в церкви Рождества Богородицы, что в Ямской...

– Считаете вы воззвание епископа Петра преступным, направленным против Живой церкви, призывом к мученичеству, подготовлением ко второму пришествию и наталкиванием одной части духовенства и мирян на другую?

– Считаю только направленным против Живой церкви, остальное преступным не считаю.

– Кто сейчас состоит членами вновь избранного епархиального Совета?

– Сейчас Совет не работает... он не утвержден Губотделом Управления.

– Сколько раз было собрание епархиального Совета?

– Ни одного собрания не было.

– Скажите, что у вас за собрание было в первой половине октября в доме при Симеоновской церкви?

– Собраний никаких там не бывает, но в этот дом я хожу, как к товарищу, к Преображенскому, который состоит секретарем у епископа Петра.

– Что вы можете показать о сборе денег для архиепископа Серафима и епископа Петра?

– Сборы происходили, деньги по церквям собирались и передавались сначала непосредственно игумении Калерии в сумме восьми миллионов рублей. Затем на этих днях было предложено помочь архиепископу Серафиму, на что мною было послано на имя благочинного пять миллионов рублей образца 1921 года. По чьей инициативе было предложено, я не знаю.

– Известна ли вам цель вызова епископом Петром викарных епископов в Тверь?

– Для богослужения и ввиду важного момента церковной жизни. Может быть, о чем-либо поговорить.

В тех же числах по этому же делу были допрошены епископ Петр, священник Владимирской церкви и член епархиального совета Василий Куприянов, казначей Новоторжского Борисоглебского монастыря иеромонах Вениамин Троицкий и миряне – директор училища слепых и член епархиального совета Алексей Соколов и секретарь епископа Александр Преображенский.

В ночь на 24 ноября все они были арестованы и отправлены в Бутырскую тюрьму. В заключении по этому «делу» помощник начальника 6-го отделения СО ГПУ Ребров писал: «Дело возникло в связи с распространением воззвания епископа Тверского Петра Зверева под заглавием «Возлюбленным о Господе верным чадам церкви Тверской», направленного явно против всякого обновленческого движения в церкви к поддержке контрреволюционной политики Тихона».

В Москве допросов по делу не производилось, поскольку уже было принято решение арестовать и выслать всех, кто противился обновленческому движению и остался верным Русской Православной Церкви и ее главе Патриарху Тихону. Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила о. Алексея к двум годам ссылки в Туркестан.

Дома оставались жена и пятеро детей. Из тюрьмы он писал жене Ольге Алексеевне: «Чаще пиши. Денег, пожалуйста, пока не шлите: костюмов шить я не собираюсь, если я написал о рясе и подряснике, то это вышло так, к слову. Подрясник я перешел на рубашку, почему и писал тебе. Какие костюмы я буду носить, духовные или светские, пока не знаю, думаю, что те и другие. Я радуюсь тому, что тебя не бросают прихожане. Если живете сейчас, то будете жить и потом, только каждый день молитесь: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

В начале апреля 1923 года этап, с которым был отправлен о. Алексей, прибыл в Самарканд, откуда он писал жене и детям, описывая свое прибытие сначала в Ташкент, а затем в Самарканд: «В четверг на пасхальной неделе в одиннадцать часов мы были вызваны в комендатуру ГПУ, откуда после некоторых

формальностей мы и были отпущены, причем с нас была взята подписка, что мы выедем из Ташкента в этот же день. По выходе из ГПУ мы перекрестились и отправились разыскивать наших друзей. Может быть, мы очень долго бы искали, но случилось так, что по дороге мы встретили Веру Николаевну, которая и довела нас до соборного дома, где для нас была приготовлена комната. Там нас встретили члены соборного причта и несколько благочестивых граждан и гражданок, сразу окружая нас таким вниманием, что нам стало стыдно. Для нас были приготовлены чай и обед, нам нанесли множество куличей, дали чаю, сахару, даже по рубашке из местной ткани «маты». Нас вызвали на идеал мучеников; кажется, что так относиться могут только христиане. Сочувствие к нашему положению было огромнейшее... Наши поезда уходили так: на Самарканд в одиннадцать часов ночи, на Перовск и Казалинск – в десять. В семь часов там же, в соборном доме, происходило прощание: епископ Петр сказал нам слово, ответил ему я. Плакал владыка, плакали и мы, плакали и все присутствующие... Нам тут же сказали, что одних нас в Самарканд, город незнакомый, не пустят и что с нами едет нас устраивать одна добрая старушка – очень интеллигентная дама лет пятидесяти – Мария Николаевна.

*Священник Алексей Бенеманский.
Тверская тюрьма. 1922 год*

Таким вниманием мы были очень тронуты... Для перевозки вещей на вокзал взяли ломовика, которые здесь иные, чем у нас...

По улицам нас сопровождала толпа благочестивых граждан и гражданок, и это не простая любезность, а необходимость, и вот почему. На вокзале здесь идет большое воровство. Вокзал битком набит народом, буквально негде яблоку упасть. Чужие люди, чужая речь как-то сразу выбили нас из колеи, мы не знали, что делать, как ориентироваться. И вот все наши провожатые тесным кольцом

окружают наши вещи. Находят нам место в вагоне и сразу же переносят в него все наши вещи.

*Епископ Старицкий Петр (Зверев),
викарий Тверской епархии. 1922 год*

Все это совершается как-то сказочно, и в то время, как на платформе идет суэта, ругань за место и прочее, мы сидим в вагоне, окруженные милыми, добрыми лицами, так ласково нас ободряющими, благословляющими, дающими нам письма к самаркандцам, и среди этих лиц славная Елизавета Михайловна и дорогой А.М. Преображенский. Дама, которая нас должна сопровождать на этом поезде, билета не получила и должна была остаться до следующего поезда. Но вот второй звонок. Прощайте, добрые и дорогие друзья. Два года... С кем-то увидимся... Спасибо вам за все... Поцелуи, взаимные благословения, и поезд трогается, уходим дальше в глубь Азии...

В Самарканде мы выгрузились на перрон. Василий Петрович* остался караулить вещи, мы же с Борисом отправились к священнику станционной церкви, нашли его и обратились к нему с просьбой сложить в сторожку вещи. Он очень любезно нас принял и отвел нам так называемую спевальню при сторожке, куда мы и перетащили вещи.

Сейчас же мы отправились в город, который от вокзала в шести верстах, хотя идти все время приходится заселенной улицей, ну вроде нашей Грабиловки, только в азиатском стиле.

Направились сразу в ГПУ. Так как день пятница, то в ГПУ занятий не было. Самарканд город мусульманский, и здесь празднуют пятницу, а в воскресенье работают. Дежурный сделал отметку, что мы были и велел нам явиться на другой

---

* Священник Василий Петрович Куприянов.

день. Мы же отправились искать местного отца благочинного. Нашли его очень скоро. Это оказался очень симпатичный батюшка о. Евгений Морчевский, настоятель Георгиевской церкви. Он вдовый, живет с единственным сыном семнадцати лет. Батюшка очень милый, дом его открыт для всех. Прихожане у него целый день. Нас он встретил радушно. Его дом – это штаб-квартира для всего ссылаемого духовенства. Через его дом уже прошло несколько человек, сейчас же у него епископ из Орла Даниил (Епископ Даниил (Троицкий)) – очень симпатичный и веселый архиерей, за две недели сумевший вполне акклиматизироваться.

Мы и здесь окружены вниманием. Батюшка нас принял. Пили чай, но я часов в восемь почувствовал себя так худо, что слег в постель. Сказались переутомление и жара. Часов в десять я проснулся, голова болит ужасно. Василий Петрович с Борей ушли уже туда, где вещи, я же остался у батюшки. Причем у меня ночью началась рвота ужасная. И все-таки я попросил разрешения на другой день (суббота Пасхи) служить, что Господь и помог исполнить. Перед обедней я исповедовался, а затем служил, чему очень рад. Народу было много. После обедни ходили в ГПУ, где нас приняли на учет и велели явиться на другой день. Затем побродили немного по городу, потом я и Боря пошли за вещами, которые на арбе, и перевезли в город в дом о. Морчевского, у которого и водворились. На следующий день, в воскресенье, я опять служил литургию, а потом ходили в ГПУ. Здесь мы узнали, что в Самарканде, по всей вероятности, нас не оставят, а по указанию Ташкента вышлют куда-нибудь в глухой аул-кишлак-селение. Епископ Даниил высылается в Пенджикент – большой кишлак с правами уездного города, где только двенадцать человек русских, туда же сосланы о. Свенцицкий и епископ Василий Суздальский, может быть, направят туда и нас. В ГПУ с нас взяли подписку, в которой сказано, что обязаны каждое воскресенье являться на регистрацию, жить там, где нам будет указано, без разрешения ГПУ не поступать ни на казенную, ни на частную службу и многое другое.

Вообще подписка значительно связывает нашу свободу. Ну да нам и выискивать-то нельзя – мы административно-ссылные. Беда-то в том, что наше положение все еще неопределенное. Каждый день могут прийти наши бумаги, и нас пошлют дальше. Значит, в Самарканде пока надо проживаться, искать же себе занятий на три дня нельзя. Можно бы подённо работать в садах, но, к несчастью, идет дождь, и мокнуть не хочется. Да и не советуют пока браться за эту работу. Пока думаю подождать, а потом пойду работать.

Вчера купил шляпу за сто семьдесят пять миллионов, дешевле нет. Пьем и едим готовое, но ведь, расставаясь, придется же что-либо платить. Ну да как устроюсь, об этом напишу потом. Сегодня, в понедельник, я опять служил, завтра Радоница, буду поминать усопших... Вот, милая Олечка, дорогая мама и дорогие дети, как пока я живу. Пока я здоров, сыт и в тепле, а что дальше будет, не знаю. Сапоги нужно будет скоро чинить, ряса черная совсем расползается, напрасно вы ее и положили, также и подрясник серый сечется вовсю. Как-то поживаете вы, дорогие мои... Теперь пишите мне больше обо всем: как относятся к вам люди – прихожане, порадовали ли они вас чем к празднику. Уверен я в добром расположении к вам со стороны Веры Владимировны и Надежды Владимировны. Прочитайте им или дайте прочитать это письмо, передайте им мой привет и благодарность за всё. Им я напишу в то время, когда определится место моего назначения... А то сейчас и написал бы, но, право, берегу деньги. Страшит будущее очень. Я думаю, что Вера Владимировна извинит меня за молчание. Что

касается других прихожан, то я буду им писать потом, и потом я очень надеюсь на то, что они меня в молитвах, а вас помощью, не оставят. Если здесь, где нас никто не знает, мы видим такое радушие и внимание, то неужели так скоро забудут нас там, где мы трудились, за чье дело мы и крест приняли... Да не будет...»

Домашние писали на это о. Алексею, что чрезвычайно обрадованы отношением к ссыльным. В ответном письме сыну Виктору, которому было тогда шестнадцать лет, о. Алексей писал: «Ты пишешь, что вас обрадовало отношение к нам верующих Ташкента; ты заметь, что это верующие, а верующие, говоря по существу, иначе относиться не могут, ибо они последователи Того, Кто сказал: «Любите даже врагов», а ведь мы свои, и даже больше, страдаем за церковное дело; если б ты взял в руки жития святых, особенно времен гонения святых и мученичества, то ты поразишься бы сходством с нашими днями, и там мучеников встречали с любовью. Конечно, я далек от мысли сравнивать себя со святыми, я скорее подчеркиваю доброе христианское настроение среди наших современников и очень хочу, чтобы и ты был добрым христианином, а посему, дорогой мой, будь особенно ласков со всеми – и дома, и в школе, и по улицам».

Кроме писем от домашних и родственников, о. Алексей получал много писем от знакомых священников и от духовных детей и имел довольно полные сведения о событиях тогдашней церковной жизни. Ему писали, что на Нилон день много народу сошлось в Нилон пустынь. «После крестного хода был молебен с многолетием всем арестантам... Патриарху Тихону... архиепископу Тверскому Серафиму, епископу Старицкому Петру, епископу Осташковскому Гавриилу и епископу Новоторжскому Феофилу».

Вскоре по прибытии в Самарканд о. Алексея вместе с другими ссыльными отправили еще дальше, в Джизак. В мае 1923 года уполномоченный ГПУ получил распоряжение собрать сведения обо всех политических партиях, а также обо всех проживающих в районе административно-высланных священниках и представить о том доклады. В ответ местный уполномоченный представил в ГПУ Туркестана рапорты осведомителей-обновленцев, в одном из которых писалось: «Доношу, что административно-высланные священники Александр Маков, Александр Пурлевский, Василий Куприянов, Алексей Бенеманский ведут усиленную агитацию среди прихожан и членов приходского совета против Живой обновленческой церкви и высшей власти духовного управления, чем возмущают вообще общественное мнение, что и случилось на заседании членов совета. Благодаря их агитации заседание членов совета Ширяевым и Вознесенским было сорвано. Приспешниками вышеозначенных священников являются Клейсторин, Ширяев, Сергеев и Вознесенский. Живая обновленческая церковь и высшая духовная власть вполне признают советскую власть и руководствуются всеми ее законоположениями, и какое бы ни было сделано распоряжение высшего духовенства властью обновленческой церкви, это делается с ведома и согласия советской власти. Значит, здравый смысл говорит за то, если не признают распоряжений высшей духовной власти, то равносильно и не признают советскую власть, а не признающим советскую власть вышеозначенным лицам не должно быть и места среди нас.

Ввиду того, чтобы в дальнейшем не дать им возможность пустить глубокие корни, необходимо их разогнать поодиночке, а то они служат по учреждениям и имеют полную возможность агитировать среди служащих, а если бы они голодовали, то не вздумали бы заниматься агитацией, а то Клейсторин двум священникам дал готовую бесплатную квартиру и платит содержание как

служащим по шесть тысяч рублей. Также и Ширяев принял жену одного священника и оказывает всевозможную помощь, а советские труженики не имеют места службы, ходят голодают».

Уполномоченные ГПУ собирали эти рапорты осведомителей, но действия по ним предпринимали далеко не всегда и не везде, тем более относительно священников, высланных из центральной России, которые рано или поздно уедут из Туркестана. ГПУ рассчитывало с помощью обновленцев уничтожить Православную Церковь, но так, чтобы инициатива и практическое осуществление изгнания из храмов православных принадлежало самим обновленцам. А обновленцы надеялись, что ГПУ само беспощадно расправится с православными, и они тогда займут храмы. Видя, однако, что ГПУ не принимает решительных мер, представители обновленцев направляли новые и новые рапорты в ГПУ: «Псаломщик джизакской церкви Степан Сладков 5 августа 1923 года доносит ТЕУ (Туркестанское Епархиальное Управление (обновленческое)): высланные четыре священника – Александр Маков, Александр Пурлевский, Василий Куприянов и Алексей Бенеманский ведут упорную агитацию против обновленческой церкви, служат всенощные и литургии отдельно, в церковь к нам не ходят, за служением поминают открыто во всеуслышание Патриарха Тихона; ввиду их агитации прихожане совершенно не стали посещать богослужение, также благодаря им весь церковный совет не признал обновленческую церковь. Кроме того, склонили в свою сторону священника о. Смирнова, который богослужение ведет по старому стилю и поминает также Святейшего Патриарха и т.д., тем доказывает, что он также не признает обновленческую церковь.

Является необходимость – вышеозначенных священников разогнать поодиночке, так, чтобы они совершенно не имели возможности сплотиться и образовать вокруг себя целое общество и забрать церковь нашу в свои руки через тех именно лиц, которым сдана церковь по договору в бесплатное пользование».

«Из официальных разговоров со священником Смирновым, который заявил, что вопрос о признании Живой церкви будет обсуждаться 12.08 сего года на общем собрании и что лично он примыкает к новой церкви, но он думает уехать. Члены церковного совета, более сознательная часть, как Самецкий, Ширяев, Вознесенский, подпали под влияние ссыльных попов Бенеманского и Куприянова, которые внушали, что ни в коем случае обновленчество церкви не пройдет и что Тихон освобожден, и соборные постановления не признал, и остался при своем сани, и предложил священству Живой церкви освятить свои церкви с благословением Тихона, а самим священникам покаяться. Эти слова сказал Бенеманский членам церковного совета, которые стали их последователями».

Приехавшим в Джизак священникам Алексею Бенеманскому и Василию Куприянову было объявлено, что без разрешения ГПУ они не могут поступить ни на какую работу, независимо от того, будет ли эта работа в государственном учреждении, или у частного лица. В мае 1923 года о. Алексей написал по этому поводу заявление начальнику секретного отдела ГПУ: «Мною и моим коллегой Куприяновым через местного уполномоченного ГПУ возбуждено ходатайство о разрешении нам поступить на службу в контору по ирригации 9-го района, находящуюся в Джизаке, – мне на должность письмоводителя и Куприянову на должность конторщика. Не получая до сего времени ответа и терпя большую нужду, так как помощи из дома мы не имеем никакой, да на нее не можем и рассчитывать, я покорнейше прошу вас дать благоприятное решение нашему

ходатайству и решение скорее направить в Джизак. Позволяю себе надеяться, что вы войдете в наше положение и исполните мою просьбу».

Через месяц им было дано разрешение на поступление на государственную службу, что хоть несколько поправляло материальное положение священников, так как служить в храме им, как и всем ссыльным, было запрещено.

Осмотревшись на месте ссылки и взвесив все те обстоятельства, в результате которых он оказался сначала в тюрьме, а затем за тысячи километров от дома, о. Алексей написал заявление во ВЦИК: «Постановлением комиссии при НКВД от 23 февраля сего года я подвергнут административной ссылке в Туркестан на два года. Обстоятельства моего дела таковы: 23 ноября 1922 года я был арестован в Твери (место моей службы) по ордеру Тверского отдела ГПУ. На допросах там же, в Твери, никаких обвинений в контрреволюции мне не предъявлялось, особого дела о моей вине не составлялось, и все материалы обо мне были приобщены к делу «о распространении воззвания епископа Петра». Не говоря о том, что самый факт распространения мною воззвания на следствии остался, да и не мог не остаться, недоказанным, я как прежде, так и теперь, позволяю утверждать, что воззвание ничего контрреволюционного в себе не заключало и имело исключительно церковный характер, и имело целью внести умирение в среду православно верующего населения Тверской губернии ввиду появившихся внутри Церкви в то время новых, так называемых обновленческих, группировок, и тем не менее из Твери вместе с другими привлеченными по тому же делу лицами, я был препровожден в Москву в Бутырскую тюрьму, где содержался под стражей с 30 ноября 1922 года по 18 марта 1923 года; 18-го же марта по постановлению вышеуказанной комиссии при НКВД я был направлен в Туркестан, куда я прибыл 1 апреля, а 13 был направлен в город Джизак Самаркандской области, где нахожусь по настоящее время. В Москве никаких допросов мне не было, только один раз я был вызван следователем, который предъявил мне обвинение по 73-й статье, которая предусматривает наказание много меньшее того, которому я подвергаюсь.

Настоящим позволяю себе объяснить, что какой-либо вины против существующего строя я не чувствую и таковой не совершил. Во время кампании по изъятию церковных ценностей я принимал участие в совещаниях уполномоченных на это советской властью лиц о способах безболезненного проведения этой кампании в Тверской губернии. В первых числах мая 1922 года в «Тверской правде» было помещено интервью со мной председателя губкомиссии по изъятию ценностей товарища Плотникова... Все мои слова и действия были направлены для спокойствия при изъятии, и как результат всей этой работы, руководимой епископом Петром, изъятие в Тверской губернии прошло без всяких инцидентов. Во время кампании Помгола я состоял казначеем Тверского епархиального комитета по Помголу, на своих плечах нес работу по сбору денег, подсчету их и сдаче в финкасу на текущий счет Губкома Помгола. Губернской комиссией помощи голодающим я был допущен на ее заседание в качестве члена с правом совещательного голоса... Работая по Помголу, я полагал, как полагаю и сейчас, что этим исполняю долг свой перед трудовым русским народом.

Но тогда возникает вопрос: за что же я подвергся высылке? За что я и мои дети, а их пять человек, обречены на страдание и нужду? За что и я сам страдаю в новых, совершенно чужих для меня климатических условиях жизни? Ответ на эти вопросы для моего сознания и совести может быть только один: я страдаю не по политическому делу, а по церковному, так как не разделил новой организации,

Живой церкви, но ведь церковных преступлений в гражданском смысле этого слова, после издания декрета об отделении Церкви от государства и о свободе совести, в Советской Республике быть не может... И тогда моя высылка есть недоразумение. Подчиняясь всецело решению гражданской власти и считая это подчинение долгом христианской совести, я тем не менее считаю себя в праве обратиться во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет с просьбой, если невозможно почему-либо возвратить меня в Тверь к семье теперь же, чтобы я мог исполнить свои обязанности по отношению к детям, по крайней мере, сократить срок высылки, зачислив хотя бы то время, которое я провел в местах заключения, то есть с 23 ноября 1923 года».

Обновленцы продолжали жаловаться на православных священников. В результате этих доносов священники были высланы из Джизака в Пенджикент. Но о. Алексей продолжал хлопотать об освобождении из ссылки. Он писал в ГПУ: «Прошу Вашего ходатайства о снятии с меня административной высылки, так как я лично к каким-либо политическим течениям не принадлежал и не принадлежу и все время к начинаниям советской власти относился лояльно...»

На это заявление уполномоченный ГПУ составил свое заключение: «Находясь в ссылке, гражданин Бенеманский продолжает вести агитацию, открыто поминает во время богослужения Патриарха Тихона и всячески старается посеять смуту среди верующих и возбудить недоверие к соввласти; в силу изложенного полагал бы в просьбе гражданина Бенеманского о сокращении срока ссылки отказать».

В октябре 1923 года о. Алексей снова написал в ГПУ заявление с просьбой сократить срок пребывания в ссылке и разрешить выехать на родину в Тверь. К тому времени прошла половина его двухлетней ссылки. ГПУ, однако, отказало ему в этой просьбе. Поясняя отказ, уполномоченные ГПУ Мартынов и Гордин писали: «Прежней своей деятельностью гражданин Бенеманский ясно доказал свое отношение к соввласти, будучи ярким реакционером, агитировал против соввласти, за что и был выслан в Туркестан. Находясь в ссылке, гражданин Бенеманский продолжает вести агитацию, открыто поминает во время богослужения Патриарха Тихона...»

Во время жизни в Джизаке о. Алексей нашел приют в доме Владимира Аркадьевича Клейсторина. Его сестра, Алевтина Аркадьевна, была замужем за сотрудником ГПУ в Ташкенте, Сергеем Семеновым, и, пользуясь служебным положением мужа, помогала ссыльным священникам. Получив от ГПУ отказ на свою просьбу сократить срок ссылки, о. Алексей обратился к Алевтине Аркадьевне за помощью. Но поскольку писать ей напрямую было опасно, он написал ее брату: «Многоуважаемый и дорогой Владимир Аркадьевич! Уже второй раз шлю Вам привет из Пенджикента. Не знаю, получили ли вы мое первое письмо, к которому была приложена записочка и Алевтине Аркадьевне. Если то письмо пропало и до Вас не дошло, то будьте любезны переслать настоящее письмо ей же, Алевтине Аркадьевне, так как мне хочется держать ее в курсе своих переживаний. Я все еще живу надеждой, посеянной в меня еще в Джизаке; хотя срок уже и прошел (две недели), но я понимаю, что такие дела скоро не делаются. Во всяком случае заявление мною в Самарканде подано... Теперь мои намерения таковы: я буду спокойно ждать до декабря месяца. В декабре же имею намерение подать прошение о переводе в иное место. Хорошо бы было, если это перемещение состоялось помимо моего прошения, а по распоряжению из Ташкента. Сейчас я имею документ, выданный Ташкентом

1 октября 1923 года за № 672 за подписью Гордина, где указано, что я имею право проживать в городе Джизаке; но в Самарканде слово Джизак зачеркнули и подписали Пенджикенте.

Желать перемещения в иной пункт побуждает меня то, что здесь, в Пенджикенте, совершенно нельзя найти заработка, а это для меня очень важный вопрос. Ведь вы знаете, что у меня запасов нет. Часть денег, полученных в облводхозе, я отослал семье, так как они живут исключительно на мои присылки. Вы состав моей семьи знаете. Конечно, мне пока в Пенджикенте жить можно. Но деньги быстро тают, а писать об этом жене и просить у нее я не могу... Вот почему я очень прошу Вас переслать настоящее письмо Алевтине Аркадьевне. В настоящее время она является центром, куда идут мои желания и надежды...»

Это письмо было ГПУ перехвачено и не дошло до адресата.

Из Твери продолжали поступать самые разные известия, касающиеся положения Церкви и близких. «В Твери перешли на новый стиль, но только город, деревня празднует по-старому. Некоторые из прихожан отказывались принять священников, говоря, что празднуем по-старому. Москва осталась по-старому, но, конечно, рано или поздно перейдут все. В соборе служил архиерей Игнатий Кашинский (обновленец). Он живет в Твери с 22 ноября, как приехал на праздник, так и остался. Народу, говорят, не очень много, но всё же ходят. Епископ Стефан служил у Вознесения, здесь его кафедра... У нас страшная безработица, отцы семейств сидят без дела, везде массовые сокращения. Последствием безработицы являются воровство и грабеж... Праздник проходил печально, кто по-новому проводил, кто по-старому. Мы обвиняли преосвященного Серафима, он в такой дружбе с Москвой, откуда идут все распоряжения против нашей церкви. После праздников о. Александр ездил в Москву к Патриарху Тихону, лично говорил с ним, но он сказал, что от него еще не было распоряжения переходить на новый стиль, и он вернулся очень опечаленным и после даже болен был с месяц...

С переходом на новый стиль архиерей и Ваш брат сконфузились, так как переходу на таковой со стороны верующих не было проявлено желания. После некоторого времени пришлось возвращаться вспять...»

«Обновленческий епископ Игнатий (бывший архимандрит города Кашина) начинает привлекать некоторые симпатии со стороны верующих. Обладая даром слова, он ведет беседы в кафедральном соборе и иногда в новом храме бывшего женского монастыря. На эти беседы ходят некоторые верующие и увлекаются его речами. Из посещающих его беседы публика в большинстве легкомысленная и малоцерковная. Одни из них ходят для того, чтобы провести время, другие для любопытства, а третьи желают услышать от оратора способы или получить указания, как бы желания плоти соблюсти и Царство Небесное приобрести. Вот такова аудитория... верующих, посещающих беседы Игнатия. Об этом особенно не следует беспокоиться, так как плевелы необходимо должны отделиться от зерна. Благодарение Господу за то, что среди наших пастырей многие скромно и честно выполняют свое пастырское дело. Епископа Стефана очень часто приглашают служить в разные приходские храмы в дни престольных праздников...»

В 1924 году советское правительство приняло решение освободить духовенство и мирян, осужденных по процессам об изъятии церковных ценностей и высланных в административном порядке «за сопротивление изъятию». 26 ноября 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ

постановило освободить о. Алексея из ссылки и разрешило ему вернуться в Тверь.

Вернулся он в тот период, когда обновленцы при поддержке властей готовились к новому наступлению на Православную Церковь – начали подготовку к обновленческому Собору, где предполагалось примирение обновленцев и православных, но под руководством раскольников. Уполномоченный обновленческого движения, бывший одновременно осведомителем ГПУ, докладывал: «Когда Серафим (митрополит Тверской и Кашинский. – И. Д.) под моим влиянием согласился пойти навстречу соввласти, когда он выразил даже тайное сочувствие обновленческому движению, то Калачев, Левковский, Бенеманский и другие объединились и начали настраивать общественное мнение против Серафима и, по-видимому, имеют намерение признать Тверским архиереем сосланного епископа Петра. В настоящее время всех противников соввласти информирует возвратившийся из ссылки протоиерей Алексей Бенеманский, который, по-видимому, имеет секретные инструкции епископа Петра Зверева, так как находились с этим епископом в ссылке недалеко друг от друга...

Если не будут приняты самые решительные меры по отношению к лицам, указанным в настоящем и предыдущих докладах, то работа съезда будет сведена к нулю в лучшем случае, а в худшем может быть сорван даже самый съезд. Если устранить из Твери Алексея Бенеманского, то среди прихожан не будет волнений... Тяжелая необходимость заставляет указать на необходимость этой меры...» «Священники Куприянов и Бенеманский, два товарища по несчастью, несколько лет тому назад были высланы из Твери в Туркестанский край, откуда вернулись вместе и заняли свои прежние приходы. Судя по словам священника Н., у них много общего, встречаются они как по чисто церковным делам, а также в домашней обстановке за стаканом чая отвести душу. Куприянов – бывший член Государственной Думы».

Гонения не прекращались. В 1928-1929 годах повторились события 1922 года, только на этот раз не ценности изымались из церквей, а закрывались сами церкви. Верующие протестовали и всячески противились закрытию храмов, ГПУ в ответ арестовывало духовенство и мирян. В конце 1928 года тверские власти постановили закрыть Вознесенский собор, предполагая приспособить его под столовую. Желая создать некоторую видимость законности этого действия, они собрали три с половиной тысячи подписей рабочих в пользу закрытия. В начале 1929 года в квартире протоиерея Никандра Троицкого собрались священники Василий Куприянов, Квинтилиан Вершинский, Алексей Соколов, Василий Владимирский, Леонид Флоренский и Алексей Бенеманский. Стали обсуждать, что делать, чтобы отстоять Вознесенский собор, который был в то время центральным храмом города и воспринимался верующими как общегородская святыня. Было предложено общинам, где служили собравшиеся священники, поставить свои подписи под протестом против закрытия храма. В короткий срок было собрано десять тысяч подписей, и собор удалось отстоять.

В 1929 году власти затеяли против о. Алексея судебное дело, обвинив его в том, что он укрывал от описи, проводившейся представителями власти, церковные ценности. Когда стало ясно, что священник будет арестован и, скорее всего, осужден, он обратился с амвона к верующим и сказал, что обвинение, будто он скрыл церковное имущество, ложно. Сами власти при обысках у него и у членов церковной общины ничего не нашли. Тут же о. Алексей объявил, в какой день и

час и где будет суд и пригласил всех верующих присутствовать на нем. Многие пришли на суд, что было неприятно властям, так как создалась атмосфера сочувствия обвиняемому.

После суда в газетах была опубликована заметка: «Во время проверки церковного имущества в Скорбященской церкви некоторые церковные предметы... налицо не оказались. Произведенным следствием установлено, что священник этой церкви Бенеманский, будучи в то время председателем церковного совета, при участии руководителей совета... скрыл это имущество... На суде священник Бенеманский, а также и его соучастники отрицали предъявленное им обвинение... Нарсуд... приговорил Бенеманского к трем месяцам лишения свободы с конфискацией имущества на двести рублей. Срок лишения свободы ему заменен принудительными работами...»

В 1930 году глава Римской католической церкви папа Пий XI выступил с протестом против преследования религии в советской России. Заявление это на разные лады обсуждалось советской прессой. После торжественной службы на праздник Петра и Павла в сторожке Рождественской церкви собрались священники Илья Громогласов, Василий Владимирский, Никандр Троицкий, Василий Куприянов, Алексей Бенеманский, Леонид Флоренский, Квинтилиан Вершинский и староста храма Рождества на Рыбаках Александр Болотов. Обсуждали выступление папы Римского. Отец Леонид Флоренский сказал:

– Католицизм является исконным врагом православия.

– Но ведь и враги иногда примиряются перед общей опасностью, – заметил о. Алексей Бенеманский. – Возьмите Ноев ковчег: там под впечатлением опасности от воды сидели звери сильные и бессильные и друг друга не трогали. Но наши правители достаточно хитры и не пойдут на конфликт, если знают, что понесут урон.

– Если бы папе удалось двинуть Запад против России, то в этом случае Россию стали бы окатоличивать, – сказал о. Квинтилиан Вершинский.

– Неужели вы думаете, что русский народ поддался бы на католическую пропаганду, – сказал Александр Болотов. – Я не могу в это поверить. Если бы католикам удалось захватить власть в России, то какие бы распоряжения ни издавал папа, православия не угасил бы, и наши храмы первенствовали бы перед костелами. Не только папа, но и большевики с нами ничего поделаться не могут. Вот наглядный пример их бессилия. Они едва собрали три с половиной тысячи подписей за закрытие Вознесенского собора, а мы с легкостью собрали десять тысяч.

За заявлением папы Римского последовало интервью иностранным журналистам митрополита Сергия (Страгородского), под которым стояла подпись и митрополита Серафима (Александрова). Текст интервью привел духовенство и верующих Тверской епархии в большое смущение. Никто не мог поверить, что оно было дано добровольно. Узнав, что интервью произвело большое смущение, митрополит Серафим счел своим долгом рассказать, как было дело, сначала в письме, а потом и лично. Он рассказал, что ГПУ арестовало и заключило его в тюрьму. В тюрьме он увидел впервые текст интервью. Представители ГПУ приступили к переговорам. За подписание интервью ГПУ обещало, что оно устроит встречу с одним из членов ВЦИКа, которому представители Церкви могут изложить ее первостепенные нужды, требующие безотлагательного удовлетворения. Власти обещали освободить из тюрем и концлагерей

духовенство и снизить взимавшиеся с храмов налоги. Священники Твери нашли удовлетворительным это объяснение митрополита Серафима.

Тверскому духовенству в то время удавалось успешно сдерживать натиск обновленцев, стремившихся захватить все храмы епархии, чтобы передать часть из них светским властям для использования под клубы, склады или для разрушения.

Митрополит Серафим благословил духовенство не оставлять своими заботами священников и мирян, оказавшихся в заключении. Особенно активное участие в помощи заключенным принимали священники Василий Куприянов, Алексей Бенеманский и Василий Владимирский. В храмах, где были арестованы священники, часть церковных доходов оставлялась для помощи им и их семьям. Те из священников, кто возвращался из заключения и ссылки, без промедления определялись на место служения в храмы Твери.

За богослужением священники не переставали проповедовать, особенно ревновал о проповеди священник Алексей Бенеманский, что вызывало недовольство властей. Видя, что верующие родители, несмотря на преследования, не боятся приводить детей в храм, о. Алексей сказал, обращаясь к ним: «Я рад видеть в храме женщин с детьми. Матери, чаще водите детей в храм, для них это особенно необходимо, так как дети лишены теперь благотворного религиозного влияния. Закон Божий отнят у них...»

Говоря проповедь в день праздника святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, о. Алексей сказал: «Они в свое время пострадали за веру, но и ныне на православную веру воздвигнуто такое же гонение, как и во времена этих мучениц. У православных теперь отнимают их храмы, а духовенство загоняют в тюрьмы под выдуманными предлогами».

Осознавая, насколько важны духовное просвещение, духовные книги, о. Алексей организовал при Скорбященской церкви, где был настоятелем, библиотеку; здесь верующие могли брать книги для чтения. Вторая библиотека была организована при храме Рождества на Рыбаках; библиотекой здесь заведовал староста храма Александр Болотов.

15 марта 1932 года были арестованы священники Василий Куприянов, Алексей Бенеманский, Никандр Троицкий, Квинтилиан Вершинский и миряне Евгения Доможирова, Мария Архарова, Мария Троицкая, Мария Мацнева; 26 апреля власти арестовали Александра Болотова, а еще через две недели иеродиакона Парфения Березовского и священника Василия Владимирского.

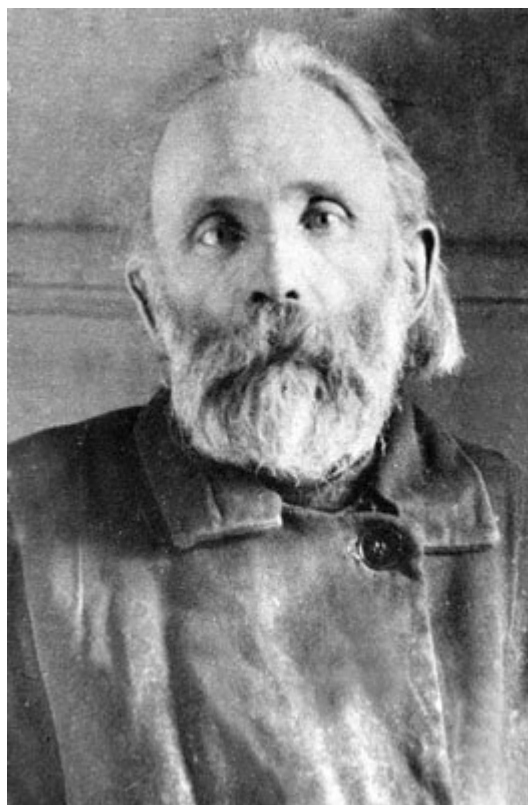
Ни возраст, ни болезни не могли оградить от преследований, чаще всего кончавшихся в те годы арестом и заключением. Евгении Петровне Доможировой был шестьдесят один год, когда власти арестовали ее. Она родилась в 1871 году в Риге в семье генерала. Пять лет она училась в институте благородных девиц в Варшаве и одновременно в школе Красного Креста. В 1896 году, когда ей исполнилось двадцать пять лет, она поступила на работу в военный госпиталь в Варшаве, где проработала несколько месяцев, затем перешла в Александро-Мариинский институт в Варшаве и здесь проработала одиннадцать лет, сначала сестрой, а затем заведующей госпиталя. Замуж Евгения не вышла, хранила себя в целомудрии, посвятив свою жизнь служению Богу и людям. В 1907 году она переехала в Москву и работала сестрой милосердия в институте Московского дворянства.

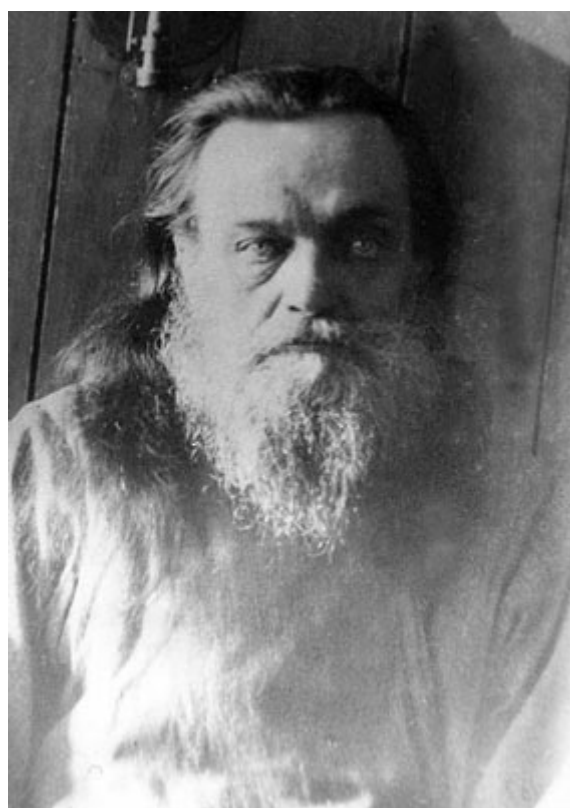
*Протоиерей Алексей Бенеманский.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Священник Василий Куприянов.
Тверская тюрьма. 1932 год*

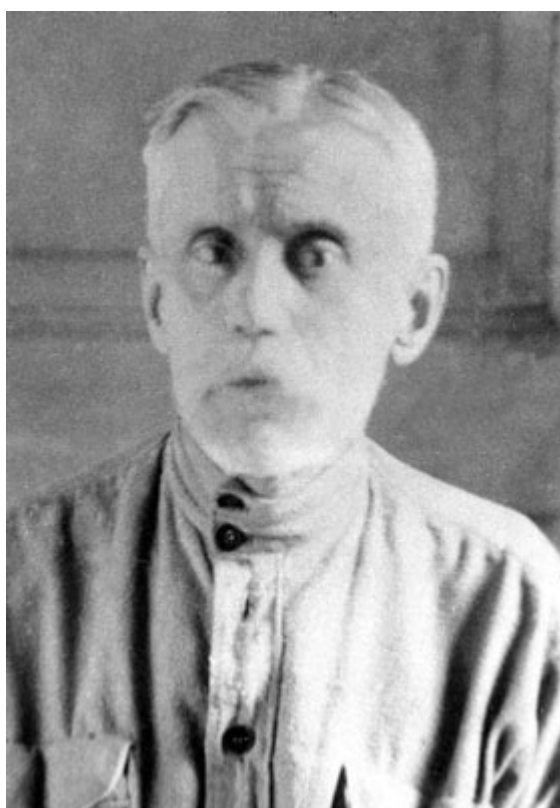
*Священник Квинтилиан Вершинский.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Священник Василий Владимирский.
Тверская тюрьма 1932 год*

*Иеродиакон Парфений (в миру Петр Иванович Березовский).
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Александр Александрович Болотов.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Евгения Петровна Доможирова.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Мария Александровна Архарова.
Тверская тюрьма. 1932 год*

Не отличаясь от природы крепким здоровьем, она стала в это время часто болеть и в 1912 году оставила работу. Но как только началась Первая мировая война, она, несмотря на свое слабое здоровье, поступила сестрой милосердия в госпиталь на Западном фронте, располагавшийся тогда в городе Полоцке. Здесь Евгения работала до самого крушения государства и фронта в 1917 году. Происходящие события и постоянно дававшие о себе знать болезни побудили ее уйти из госпиталя; она уехала в Тверь и вскоре вышла на пенсию. Жила она в то время вместе с сестрой и была знакома со всеми церковными деятелями и духовенством Твери.

На допросах спрашивали о знакомых. Для Евгении Петровны было странно отказываться от них, и она отвечала прямо, не находя в своих ответах ничего предосудительного: «Куприянова, Бенеманского, Троицкую, Болотова я знаю хорошо, неоднократно у них бывала; бывали, исключая Куприянова, и они у меня. Знакома я с ними давно.

Архиепископа Арсения Смоленца я также знаю с 1917 года, когда он еще жил в Твери. После своего отъезда и поселения в Сталинграде и Феодосии Смоленец ежегодно приезжал сюда, бывал у меня...

Об аресте архиепископа Арсения Смоленца я узнала из письма учительницы города Сталинграда, фамилии ее я не знаю, зовут ее Антонина, адреса также не знаю».

26 марта о. Алексея вызвали из камеры на допрос. Следователь задавал свои вопросы так, чтобы ответы священника совпадали с заранее составленным обвинением в создании контрреволюционной организации и деятельности ее против советской власти. Отец Алексей в своих ответах старался держаться строго церковного руслу. Он говорил: «Проповедей антисоветского характера я не произносил. По вопросу об интервью митрополита Сергия помню, что также в кругу Куприянова, Владимирского был разговор о том, что это интервью не соответствует действительности и что оно дано под нажимом со стороны власти. С епископом Арсением Смоленцом я знаком, так как он раньше служил в Твери, последний раз я виделся с ним в его приезд сюда в прошлом году; он заходил ко мне, делился впечатлениями о церковной жизни и передавал, что члены Синода и вообще духовенство, в частности он, живут под постоянным страхом ареста, что жизнь тяжелая вследствие налогов, что не знаешь судьбу завтрашнего дня».

14 апреля следователь снова вызвал на допрос о. Алексея и снова и снова спрашивал, стараясь в чем-нибудь уловить его. Отец Алексей отвечал: «Виновным себя в предъявленном обвинении не признаю, так как не считаю, что бывшие у нас коллективные собеседования носили политический характер. Эти беседы больше трактовали положение Церкви и тяжелые условия церковнослужителей. Проповеди я говорил, но антисоветских выпадов я в них не допускал».

9 июля 1932 года Тройка ОГПУ приговорила священников Алексея Бенеманского, Василия Куприянова, Квинтилиана Вершинского, Василия Владимирского, иеродиакона Парфения Березовского и мирян Александра Болотова, Марию Мацневу, Марию Троицкую и Евгению Доможирову к высылке в Казахстан на три года.

Хотя все они были приговорены к ссылке и должны были жить в Казахстане как административно-ссылные, то есть вне тюремных стен и не за колючей проволокой, однако, в приговоре Тройки оговаривалось специально, что высланные должны следовать на место ссылки этапным порядком, то есть проходя через все тюрьмы России южного направления. Это было своего рода

особое наказание, иногда такое путешествие по этапу было тяжелее заключения, и не все переживали его. 18 января 1933 года, в канун праздника Богоявления, в Алма-Атинской тюрьме скончалась Евгения Доможирова.

*Мария Михайловна Троицкая.
Тверская тюрьма. 1932 год*

*Мария Николаевна Мацнева.
Тверская тюрьма. 1932 год*

После окончания ссылки о. Алексей вернулся домой в Тверь, где прослужил всю жизнь, где жила его семья; дети выросли, старшей дочери было двадцать

девять лет, младшему сыну шестнадцать. По приезду в Тверь о. Алексей сразу пошел к архиепископу Фаддею, его он любил и чтит как великого подвижника и молитвенника, который был для духовенства и верующих епархии неотмирным образом православного архиерея и христианина.

Владыка с большой любовью принял вернувшегося из ссылки священника и сразу же дал ему место для служения в храме. По условиям тех лет, связанным, в частности, с легализацией церковного управления, нужно было, получив назначение епархиального архиерея, получить затем регистрацию у светских властей. Горсовет отказался дать ему документ о регистрации, и о. Алексею пришлось выйти за штат.

Наступил 1937 год, время беспощадных гонений. Осенью 1937 года о. Алексей был арестован – уже в четвертый раз. Несмотря на ужасные условия тогдашнего следствия, разрешавшего применять пытки, дабы принудить обвиняемого к самооговору, священник держался с огромным мужеством и достоинством. Всего дороже была верность Христу, всего больше хотелось оказаться не только здесь, на земле, но и в Царствии Небесном вместе с такими подвижниками, какими были почитаемые им священномученики архиепископы Петр и Фаддей.

После многодневных допросов следователь составил, наконец, протокол.

– Назовите фамилии ваших знакомых по городу Калинину и характер вашей связи с ними, – сказал следователь.

Отец Алексей назвал имена тех людей, большей частью священников, с кем был связан по службе, от дружества с кем не хотел отрекаться.

– Хорошо знакомы мне – священник Александр Иванович Цветков, познакомился с ним в 1934 году в Казахстане, будучи в ссылке... Священник Александр Николаевич Троицкий, лет семидесяти восьми, живет в Калинин. Священник Илья Михайлович Громогласов. Священник церкви Неопалимая Купина Борис Забавин. Николай Иванович Маслов. Священник единоверческой церкви Иван Николаевич Морошкин. Священник единоверческой церкви Николай Вершинский, лет восьмидесяти, и архиерей Фаддей Успенский, лет шестидесяти семи. Из этих лиц я часто встречал кого-либо, или ходил к ним на дом, или они ходили ко мне. Других же знакомых и в городе Калинин, и за пределами Калинина я не имею и переписки с кем-либо не вел.

Такой ответ следователя не удовлетворил, и он сказал:

– Вы, Бенеманский, являетесь участником контрреволюционной фашистско-монархической организации в городе Калинин, возглавляемой бывшим архиепископом Фаддеем Успенским. Признаете вы это?

– В контрреволюционной организации я не состоял и виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю.

– Следствие располагает данными о том, что вы являетесь членом контрреволюционной фашистско-монархической организации, по заданию руководства этой организации занимались сбором средств среди верующей части населения на организацию подпольного монастыря. Признаете вы это?

– Я членом контрреволюционной фашистско-монархической организации не состоял и никаких заданий не получал.

На этом допрос был закончен, точнее говоря, запись его, но сами допросы продолжались еще десять дней, в течение которых о. Алексей категорически отказывался оговаривать себя и других. 26 ноября состоялся последний допрос.

– Сколько лет вы прослужили в качестве священника? – спросил следователь.

– Священником я служил двадцать восемь лет, с 1904 по 1932 год. В 1935 году меня как прибывшего из ссылки горсовет не зарегистрировал священником. С того времени я нахожусь за штатом. Отец мой, Бенеманский Константин Михайлович, был сельским священником с 1878 года по 1896 год.

– На предыдущем допросе вы следствию говорили неправду. Следствие настаивает на даче правдивых показаний. Вы являлись одним из активных участников контрреволюционной фашистско-монархической организации, существовавшей в городе Калинине. Признаете вы это?

– Ни к какой контрреволюционной организации я не принадлежал и не принадлежу и виновным себя в этом не признаю.

– Вы, Бенеманский, среди населения проводили контрреволюционную агитацию – о скорой гибели советской власти и расправе над коммунистами, ориентируясь при этом на помощь Германии и Италии. Признаете вы себя в этом виновным?

– Такой контрреволюционной агитации я не проводил и виновным в этом себя не признаю.

– Вы, Бенеманский, проводили среди отдельных граждан вербовку в контрреволюционную организацию. Признаете ли вы это?

– Нет, вербовку я нигде не проводил.

– Вы отдельным участникам вашей контрреволюционной организации давали задание о проведении ими контрреволюционной деятельности. Признаете вы это?

– Заданий я никому не давал и виновным себя в этом не признаю. Больше показать ничего не могу.

29 ноября следователь составил обвинительное заключение. Священник обвинялся в том, что он, «являясь активным участником контрреволюционной церковно-монархической группы, проводил вербовку новых участников в эту группу и давал задание отдельным членам контрреволюционной группы на сбор средств среди верующих на организуемый тайный монастырь в городе Калинине. Проводил среди населения активную контрреволюционную фашистскую агитацию».

Но нисколько не трогали эти обвинения души о. Алексея; он знал, что идет страдать за Христа и православную веру, что ни толстые стены тюрьмы, ни сам смертный приговор не отдалят его от Христа и Его Церкви.

2 декабря 1937 года Тройка НКВД приговорила о. Алексея к расстрелу. Протоиерей Алексей Бенеманский был расстрелян 4 декабря 1937 года. Мучители тайно похоронили тело священномученика, и место его погребения осталось неизвестным. Отец Алексей отошел ко Господу как исповедник православия и мученик за Христа. Память о нем и поныне сохраняется среди верующих Тверской епархии.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 381-411